

СОЦИАЛЬНО-ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ДИНАМИКА, ВИРТУАЛИЗАЦИЯ, МОДЕЛИРОВАНИЕ

В.И. КАРАСИК

VIKarasik@pushkin.institute

д-р филол. наук,
профессор кафедры
общего и русского языкознания
Государственного института
русского языка
имени А.С. Пушкина,
профессор Тяньцзиньского
университета иностранных языков
Москва, Россия

Ключевые слова:

*социолингвистика,
идентичность,
виртуальное сообщество,
языковая политика,
ценности*

DOI: 10.37632/PI.2020.278.1.006

В статье рассматриваются актуальные проблемы социолингвистики – определение социально-языковой идентичности, виртуального коммуникативного сообщества и языковой политики в условиях глобализации. Обсуждаются тезисы о динамике социально-языковой идентичности, о дискурсивной специфике эмблем социального статуса человека, о взаимосвязанности этнокультурных, социально-групповых и индивидуально-личностных характеристик участников общения, об иерархической организации ценностей, определяющих языковую политику в зависимости от приоритетов доминирующих социальных групп. Предложена модель изучения идентичности человека в виде трехмерной схемы экзистенциальных векторов личности.

При обсуждении проблем трансдисциплинарности знания отмечается, что границы дисциплин неизбежно размываются, совокупное знание становится более сложным и многомерным, но вместе с тем возрастает риск непрофессионального подхода к тем или иным культурно-языковым фактам, особенно в эпоху постмодерна [1: 14–34]. Доказано, что обиходная и научная картины мира выполняют разные функции в теоретическом и практическом освоении реальности. Признавая несомненную ценность обиходного знания о мире и неизбежную адаптацию специального знания для просветительских целей, мы должны определить проблемы, требующие изучения, сформулировать аксиомы, на которых строятся предлагаемые модели изучаемых объектов, и критически оценить циркулирующие в современном обществе непрофессиональные суждения об этих объектах. Речь пойдет о пограничной территории между лингвистикой и социологией, между социолингвистикой и социологией коммуникации.

На стыке лингвистики и социологии возникла и успешно развивается социолингвистика – специализированная область лингвистического знания, в рамках которой изучаются различные аспекты бытия коммуникативных сообществ, функционирования и переключения коммуникативных кодов, осуществления языковой политики, проявления статусно-ролевой групповой и индивидуальной идентичности [2, 3, 5, 10, 11, 13, 14, 18]. Встречное направление гуманитарного знания – социология коммуникации, получившее мощное развитие на Западе [6, 7, 15–17], сфокусировано на изучении социальных отношений, возникающих в различных видах коммуникативных интеракций.

К числу современных проблем, требующих изучения и моделирования с позиций социолингвистики, можно отнести определение социально-языковой идентичности, виртуального коммуникативного сообщества и языковой политики в условиях глобализации.

Социально-языковая идентичность представляет собой осознание своей принадлежности к той или иной группе социума и вытекающие отсюда установки мировосприятия и коммуникативного поведения. Социально-языковая идентичность – это одна из сторон социальной идентичности в целом, органически сочетающаяся с другими

статусными измерениями человека – гендерной, возрастной, образовательно-профессиональной, этнической, конфессиональной и хабитатной идентичностью. Она представляет собой исторически изменчивое явление. В определенных сообществах в разные эпохи такая идентичность сочетается с племенной, кастовой либо сословной идентичностью, а также с осознанием своей принадлежности к тому или иному социальному классу. Такая идентичность является двусторонним семиотическим образованием, обладает своим набором эмблем, которые проявляются намеренно и помимо воли и устанавливают границу между своими и чужими. Выявление и описание таких коммуникативных эмблем, их динамики и комбинаторики определяет одно из направлений современной социолингвистики.

Социально-языковая идентичность специфически проявляется в различных типах дискурса и режимах общения. Особую значимость в наши дни приобрел сетевой дискурс, позволяющий нашим современникам обмениваться мнениями по широкому кругу вопросов, давая им при этом возможность оставаться незаметными в коллективном общении либо выступать под маской придуманного имени – ника. Участие в сетевом дискурсе наделяет каждого коммуниканта чувством сопричастности к переживанию и обсуждению актуальных для общества проблем [4, 9]. Феномен медийной коммуникации на наших глазах трансформируется, новости любого содержания преращиваются в личное достояние тех, кто распространяет их, резко меняется ощущение достоверности получаемой информации, и эта достоверность становится не столь значимой, как яркость и оригинальность подачи информации. Стирается грань между фактами и фактоидами (квазифактами), фейки (откровенно недостоверные сведения) становятся полноправным компонентом медийно-развлекательного дискурса в соответствии с культурными доминантами постмодернистской эпохи.

Существенное влияние на коммуникативное поведение наших современников оказывают процессы глобализации, активное проникновение в коммуникативную практику стереотипов, норм и импортируемых концептов общения, принятого в обиходном, медийном, научном и деловом стандарте носителей лингвокультуры США. Эти стереотипы включают определенные этикетные паттерны, политические стереотипы, правила политкорректности, определяют направления коммуникативной моды, активно внедряются в ценностные картины мира различных этнокультурных сообществ, вытесняя и модифицируя традиционные ценности.

Необходимо отметить, что процессы глобализации неизбежно порождают антиглобализационное поведение со стороны той части сообщества, которая критически относится к нарушению культурно-экологического равновесия в мире. Языковая политика в этом плане приобретает новые векторы реализации, она все более становится двунаправленным процессом – от правительства к народу и от народа к правительству, и в этом взаимодействии сознательного влияния общества на нормы коммуникации существенную роль играют неформальные каналы сетевого общения.

Названные проблемы, разумеется, не исчерпывают всего множества вопросов, требующих социолингвистического осмысления современной речевой деятельности общества. Граница между социолингвистическим и социологическим, а также политологическим и культурологическим осмыслением коммуникативного поведения весьма подвижна, но тем не менее можно сказать, что дисциплинарная принадлежность анализа определяется тем, какая информация рассматривается в качестве результата изучения – о закономерностях и тенденциях коммуникации применительно к той или иной группе либо о характеристиках культуры и общества в социально-групповом измерении.

Аксиоматика социолингвистики представляет собой систему постулатов о связи языка и общества и может быть сведена к следующим тезисам.

- Жанры и способы общения обусловлены историческими и культурными факторами.
- Коммуникативные эмблемы представляют собой знаки принадлежности участников общения к определенному групповому сообществу.
- Языковая картина мира конкретизируется в сознании носителя языка как социально-групповое мировосприятие, специфика которого отражена в коннотациях слов и словосочетаний и типичных импликациях высказываний.
- Речевая ситуация в социолингвистическом плане включает коммуникативное позиционирование участников общения в соответствии с их социальным статусом.
- Социальный статус участников общения определяет их вероятную интерпретацию установок и коммуникативных действий партнеров, сочетаясь с их индивидуально-личностными характеристиками.
- Социальный статус коммуникантов лежит в основе их самопрезентационного поведения.

- Переключения кодов в общении обусловлены этнокультурными и социально-групповыми конвенциями.
- Установление и поддержание коммуникативной дистанции зависит от этнокультурных, социально-групповых и индивидуально-личностных характеристик участников общения.
- Языковая политика отражает систему ценностей различных социальных групп общества с приоритетным выражением интересов доминирующей группы и проявляется в коммуникативной практике всех социальных институтов.

Профессиональные наблюдения и выводы социолингвистов отражены в их публикациях и выступлениях на научных форумах. Эта совокупность знаний дополняется в обществе поверхностными мнениями людей о языке и его использовании в общении. Такие мнения часто построены на предубеждениях по отношению к чужим, на субъективных установках о красоте своего и чужого языков, на отношении к билингвизму, на предположении о возможности выучить иностранный язык без усилий и т.д.

Совокупность обиходных знаний о мире неразрывно связана с соответствующими им нормами поведения, специфическими для той или иной группы людей в рамках определенного этноса. В этом плане социолингвистическое изучение языка и культуры вносит важные уточнения в лингвокультурологическое описание коммуникативного поведения: во многих работах лингвокультурологов, сравнивающих те или иные концепты английской и русской картин мира, фактически сопоставляются концептосферы среднего класса Британии или США, с одной стороны, и большинства населения России, не относящегося к среднему классу, с другой стороны. Кроме того, использование того или иного языка в условиях диглоссии может получать социально-политическую окраску. Так, в некоторых британских колониях в Африке коренному населению в прошлом запрещалось говорить на английском языке, им могли пользоваться только белые люди.

Одним из типичных наивных представлений о социально-языковой идентичности является убеждение в том, что принадлежность человека к определенной этнокультуре определяется сугубо биологически, по крови. Такое мнение основано на упрощенном понимании передачи информации и в определенной мере соотносится с принятием тезиса о врожденных структурах в сознании, о том, что базовые представления о мире даны человеку изначально от рождения. Эта идея давно обсуждается в философии и психологии (в Германии она получила

название *Blut und Boden*, судьба и почва, в англоязычном мире – *nature and nurture*, природа и воспитание). Суть этого предубеждения состоит в элиминации важных промежуточных ступеней, того, что точно названо термином «опосредующая обусловленность»: культурная информация соотносится с генетически передаваемой информацией как *способность* к развитию определенных качеств сознания, включая отношение к миру, но эта способность не равна проявившемуся качеству. Идентификация есть процесс, в ходе которого человек усваивает от окружающих знания о мире и отношения к этому миру. Изучение ступеней и фаз этого процесса заслуживает внимания и в социолингвистическом плане может быть объективировано достаточно точно; знаками такой объективации могут быть высказывания о том, кем себя считает растущий или социализируемый человек, к какому сообществу он себя относит.

Понимание своей социально-языковой идентичности может быть смоделировано в виде условного треугольника, включающего состояние, действие и возможность. В первом случае мы отвечаем на вопрос «Кто я?», во втором – «Что я сделал?», в третьем – «Что я могу сделать?». Характеристики состояния сводятся к базовым статусным признакам человека и определяют отношение других людей к нему и его отношение к другим людям. Характеристики действия определяют результативность усилий личности по достижению поставленных целей. Характеристики возможностей раскрывают горизонт развития способностей человека.

Самоидентификация в терминах состояния в известной мере снимает с человека ответственность за свои поступки, это самая архаичная схема осознания себя. Человек ведет себя определенным образом, поскольку у него такая судьба, карма, связанность со своими племенем и родом. Такая идентичность соотносится с моделью циклического времени, по Ю.М. Лотману, с ритуальным мироощущением, с признанием тщетности личных усилий, направленных на исправление и улучшение реальности. Но уже в античные времена такая самоидентификация вызывала критику: известен диалог раба, совершившего кражу, и его хозяина. Раб сказал: «Мне суждено было украсть», а хозяин ответил: «И суждено было быть битым». Вместе с тем определенные установки в отношении к миру являются архетипами, а такие архетипы, накапливаясь в определенном сообществе под влиянием социально-исторических обстоятельств, выливаются в поведенческие паттерны. Самоидентификация в терминах состояния – это вечно длящееся настоящее, панхроническая точка. В терминах

В.И. Тюпы [12] такое мироощущение определено как «роевое мышление», ключевым идентификатором здесь является местоимение «мы». Смерть в этом плане есть приобщение к роду, переход в иную ипостась.

Самоидентификация в терминах действия акцентирует ответственность человека за принятое решение, такое решение предполагает выбор и подчеркивает важность индивидуальных усилий личности, направленных на достижение поставленной цели. Наиболее ярко такая самоидентификация проявляется в норме протестантской этики: «Действуй, и Бог тебе поможет». Результативность предполагает высокую состоятельность в обществе и необходимость норм, регулирующих такую состоятельность. Ключевым идентификатором такого мироощущения является местоимение «я». Время в таком понимании действительности линейно. Отношение к судьбе выражено в формуле: *There is no fate but we make (Нет никакой судьбы, кроме той, которую делаем мы сами)*. Смерть в рамках такой самоидентификации есть исчезновение, и поэтому закономерно на первый план выходит гедонистическое отношение к жизни. Признание корпоральных ценностей как базовых ставит на первый план единство людей, социально-языковая групповая идентичность осмысливается как дополнительная и поверхностная характеристика человека. По сравнению с самоидентификацией в терминах состояния осмысление себя как активно действующего свободного субъекта является важным шагом вперед в цивилизационном развитии человечества.

Самоидентификация в терминах возможностей направлена на осмысление креативности в ее разных проявлениях. Если состояние предполагает приоритетность коллективных установок по отношению к реальности, действие выдвигает на первый план личные интересы субъекта, возможность в этом плане соотносима с выходом за рамки своего «я» и принятием позиции Другого. Ключевым идентификатором такого отношения к миру становится местоимение «ты». Креативное отношение к реальности придает мироощущению объемность, общение направлено на гармонизацию позиций, предполагающих взаимодополняющие различия. Такая самоидентификация является существенным движением вперед по сравнению с предшествующими этапами цивилизационного развития. Оценка других с позиций состояния выдвигает на первый план осмысление возможной опасности от других, с позиций действия – пользу от завоевания и освоения других, с позиций креативной возможности – оптимизацию миропорядка, поддержание экологического

равновесия. Акцентирование движения вовне предполагает духовное развитие человека и человечества, при этом личная смерть признается естественным этапом развития организма, но на первый план выступает возможность сделать вклад в развитие культуры, поняв Другого и передав ему свое.

Социально-языковая идентичность в социолингвистическом аспекте включает эти три измерения личности и культуры, каждое из этих измерений имеет свои эмблемы, в том числе языковые, кроме того, есть идентичность и ее имитация. Предварительное рассмотрение такой имитации показывает, что личные либо узкогрупповые интересы могут манипулятивно выражаться как постулирование приоритетности коллективных ценностей либо ценностей других людей над индивидуальными ценностями субъекта. Хорошо известна сентенция Джона Кеннеди: *Не спрашивайте, что ваша страна может сделать для вас, спрашивайте, что вы можете сделать для вашей страны*. Наблюдатели пронизательно отметили, что в этом высказывании словосочетание «ваша страна» замещает понятие «правительство вашей страны».

Сетевое общение изменило самоидентификацию наших современников. Мир превратился, по словам М. Мак-Люэна, в большую деревню. Иначе говоря, произошло возвращение большого сообщества в якобы малое, но при этом фактически большое сообщество перешло на качественно новый уровень очень большого сообщества. Специфика поведения в малой группе такова, что обычно многие знают все о других. Характеризуя такой стиль поведения, С. Пинкер говорит об *иннуэндо* (косвенном намеке) как особом формате общения. Участники коммуникации понимают намеки друг друга, но делают вид, что не понимают их. Обычное общение незнакомых людей в институциональном дискурсе не требует намеков.

Сетевой дискурс дал возможность людям вести общение с широким кругом незнакомых людей в рамках условных объединений по интересам. Контент-анализ сообщений в этом дискурсе дает возможность выделить восемь основных жанровых образований такого общения: 1) демонстративы, в которых субъект предъясняет себя с помощью фотографий селфи и сопутствующей информации, 2) репортативы, представляющие собой переплеты значимой информации, обычно с комментариями, 3) социативы, объединяющие друзей по интересам, 4) креативы, в которых участники общения делятся с широким кругом читателей своими произведениями и получают от друзей критику и поддержку, 5) агитативы, продвигающие

определенный образ жизни с акцентированным личностным отношением к нему, 6) инструктивы, которые представляют собой обмен полезными советами, касающимися разных бытовых и небытовых проблем, 7) прескриптивы, содержанием которых является продвижение тех или иных ценностей, норм и обыкновений поведения, 8) аттрактивы, предназначенные для развлечения публики и позиционирования себя в выгодном свете [8]. Проявляясь в этих жанрах и форматах общения, наши современники формируют новую коммуникативную ситуацию, новое измерение общения, осуществляемого на сокращенной коммуникативной дистанции в соответствии с нормами ювенильно-игрового отношения к реальности. Происходит смыкание медийного, развлекательного и обиходного типов общения, размывание границы между публикой и аудиторией, т.е. теми, кто просто просматривает сообщения, и теми, кто активно участвует в их обсуждении.

Обратим внимание на акцентированно полевический характер общения в сетевых социальных группах. Например:

Самое гадкое русское слово на букву Б

На просторах Интернета прочно прописалось гаденькое слово «бабушатник». Сколько в нем брезгливости, презрения и насмешливости! Похоже на лягушатник, гадюшатник и почему-то ватник. Так сейчас принято называть квартиры с советским ремонтом и старой мебелью. Квартиры, в которых время остановилось.

Там и тут пестрят заголовки вроде: «Мне в наследство достался бабушатник, что делать»? «Десять способов привести бабушатник в порядок». «Я до сих пор живу в бабушатнике и стараюсь приглашать гостей». Я еще могу понять риелторов и дизайнеров интерьеров, им надо продать свои услуги. Но что с вами-то творится, люди?

Сегодня я хочу обратиться к вам, живущим в холодных, бездушных лофтах, в студиях со скандинавским псевдоуютом, в модных апартаментах с евроремонтom.

Где бы вы были сейчас, если бы не «бабушатники»? Почти все, кому сейчас чуть за 25, выросли в них – среди стенок, сервантов, ковров и сервизов. Вас, тогдашних сорванцов, сбежавших с уроков, встречали в ненавистных бабушатниках с пирогами, горячим чаем, домашними пельменями, маринованными огурчиками и хрестоматийным борщом. Это для вас бабушки припрятавали шоколадные конфеты и прочие сладости, купленные на сэкономленные от крохотной пенсии деньги.

Можно понять чувства автора этого эмоционального послания в жанре агитатива,

заслуживает внимания осмысление нового концепта, который имеет отчетливую социально-групповую специфику и акцентирует идентичность тех, кто использует его, и тех, у кого этот концепт вызывает резкую критику. Изучение подобных текстов и содержащихся в них концептов дает возможность наметить распределение социально-групповых моделей поведения в обществе.

К сетевому дискурсу примыкает активно распространяющееся в наше время общение в рамках многопользовательских компьютерных игр в режиме онлайн. Такое игровое общение, как показывают наблюдения, объединяет людей разного возраста и пола, образовательного ценза и места жительства. Такое коммуникативно-групповое распределение типов, форматов и способов общения соответствует доминантам культуры нашего времени и в определенной мере формирует эти доминанты.

Процессы глобализации оказывают большое влияние на социально-групповое поведение наших современников. Каналами такого воздействия оказываются массовая культура, типы и способы производства и потребления товаров, технологические возможности общения в наше время. Массовая культура представляет собой продвижение и тиражирование символических знаков принадлежности к престижному стилю поведения, такое тиражирование приводит к усредненным стереотипным реакциям масс, превращающихся в однородное сообщество, в котором доминируют простейшие инстинктивные потребности в получении удовольствий. Нейтрализация индивидуальностей сопровождается новыми групповыми распределениями, для которых вырабатываются яркие эмблематические знаки консолидации группы. Это выражается в стилях поведения, получающих коммуникативную специфику в разных типах дискурса. Таковы, например, современные пародии на демонстрации, получившие название «монстрация», сюда относятся флешмобы и другие формы коллективных акций. Обратим внимание на продвижение ювенильного стиля моментальной реакции, необходимой для состоятельного успеха: «*Не тормози, сникерсни*». Моментальная реакция, отметим, снижает вероятность критической оценки явления или события, отсюда и насмешливый антиинтеллектуализм как знак нашей эпохи.

Высокая степень состоятельности, связанная с доминирующим концептом «успех» в американской лингвокультуре (самоидентификация в терминах действия), – это один из наиболее заметных индикаторов глобализации. Соответственно возникают протестные движения, объединяющие тех, кто сопротивляется

этим тенденциям. Такая позиция четко сформулирована в словах Далай-Ламы: «*Планете не нужно большое количество «успешных людей». Планета отчаянно нуждается в миротворцах, целителях, реставраторах, сказочниках и любящих всех видов. Она нуждается в людях, рядом с которыми хорошо жить*». Социолингвистический подход к такому высказыванию, однако, требует определить стратегическую цель, определяющую позицию говорящего, и она очевидна: это создание позитивного образа своего конфессионального сообщества.

Резюмирую.

Расширение границ лингвистики – логичный результат перехода от изучения закономерностей устройства языка к закономерностям организации речевой деятельности. Одним из направлений такого перехода является социолингвистика, предметом которой является макро- и микрогрупповая специфика функционирования языка. Пограничной областью знания выступает социология языка, ее задачи состоят в характеристике групповой организации

социума в процессе общения. Эти области знания частично пересекаются.

Аксиоматика социолингвистики сводится к тезисам о динамике социально-языковой идентичности, о дискурсивной специфике эмблем социального статуса человека, о взаимосвязанности этнокультурных, социально-групповых и индивидуально-личностных характеристик участников общения, об иерархической организации ценностей, определяющих языковую политику в зависимости от приоритетов доминирующих социальных групп. Основу наивных представлений о социально-языковой идентичности составляют упрощенные убеждения о биологической обусловленности принадлежности человека к определенной этнокультуре.

Возможной моделью научного изучения такой идентичности является трехмерная схема экзистенциальных векторов личности. К числу перспективных направлений социолингвистического моделирования речевой деятельности можно отнести исследование сетевого дискурса и коммуникативных характеристик процессов глобализации. ■

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. Парадигмы лингвистики XIX–XXI вв. // *Образы языка и зигзаги дискурса: Сборник научных статей к 70-летию В.З. Демьянкова* / Отв. ред. В.В. Фещенко. М., 2018.
2. Белл Р.Т. Социолингвистика. Цели, методы, проблемы / Пер. с англ. М., 1980.
3. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М., 1987.
4. Бондаренко Т.А. Виртуальная реальность в современной социальной ситуации: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2007.
5. Брайт У. Введение: Параметры социолингвистики // *Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика*. М., 1975.
6. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. М., 2003.
7. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. М., 2000.
8. Карасик В.И. Языковые мосты понимания. М., 2019.
9. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. Екатеринбург, 2004.
10. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
11. Тарасов Е.Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // *Основы теории речевой деятельности*. М., 1974.
12. Тюпа В.И. Дискурсивные формации: Очерки по компаративной риторике. М., 2010.
13. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М., 1978.
14. Duranti A. Sociocultural Dimensions of Discourse // *Handbook of Discourse Analysis*. T.A. van Dijk (Ed.). Vol. 1. London, 1985.
15. Fishman J.A. The Sociology of Language. An Interdisciplinary Social Science Approach to Language in Society. Rowley, 1972.
16. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1. Reason and the Rationalization of Society. L., 1984.
17. Hare A.P., Blumberg H.H. Dramaturgical Analysis of Social Interaction. New York, 1988.
18. Hymes D. Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach. London, 1977.

References

1. Alpatov V.M. Paradigmy lingvistiki XIX–XXI vv. // Obrazy yazyka i zigzagi diskursa: Sbornik nauchnyh statej k 70-letiyu V.Z. Dem'yankova. Otv. red. V.V. Feshchenko. M., 2018.
2. Bell R.T. Sociolingvistika. Celi, metody, problemy / Per. s angl. M., 1980.
3. Bondaletov V.D. Social'naya lingvistika. M., 1987.
4. Bondarenko T.A. Virtual'naya real'nost' v sovremennoj social'noj situacii: Avtoref. dis. ...d-ra filos. nauk. Rostov n/D, 2007.
5. Brajt U. Vvedenie: Parametry sociolingvistiki // Novoe v lingvistike. Vyp. 7. Sociolingvistika. M., 1975.
6. Gofman I. Analiz frejmov: esse ob organizacii povsednevnogo opyta / Per. s angl. M., 2003.
7. Gofman I. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni / Per. s angl. i vstup. stat'ya A.D. Kovaleva. M., 2000.
8. Karasik V.I. Yazykovye mosty ponimaniya. M., 2019.
9. Kastel's M. Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internetе, biznese i obshchestve / Per. s angl. Ekaterinburg, 2004.
10. Krysin L.P. Sociolingvisticheskie aspekty izucheniya sovremennogo russkogo yazyka. M., 1989.
11. Tarasov E.F. Sociolingvisticheskie problemy teorii rechevoj kommunikacii // Osnovy teorii rechevoj deyatel'nosti. M., 1974.
12. Tyupa V.I. Diskursnye formacii: Oчерki po komparativnoj ritorike. M., 2010.
13. Shvejcer A.D., Nikol'skij L.B. Vvedenie v sociolingvistiku. M., 1978.
14. Duranti A. Sociocultural Dimensions of Discourse // Handbook of Discourse Analysis. T.A. van Dijk (Ed.). Vol. 1. London, 1985.
15. Fishman J.A. The Sociology of Language. An Interdisciplinary Social Science Approach to Language in Society. Rowley, 1972.
16. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1. Reason and the Rationalization of Society. L., 1984.
17. Hare A.P., Blumberg H.H. Dramaturgical Analysis of Social Interaction. New York, 1988.
18. Hymes D. Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach. London, 1977.

V.I. Karasik

SOCIAL AND LINGUISTIC IDENTITY: DYNAMICS, VIRTUALIZATION, MODELLING

Sociolinguistics, identity, virtual community, language politics, values.

The paper deals with topical problems of sociolinguistics – definition of social and linguistic identity, virtual community and language politics in times of globalization. Problems to be discussed include dynamics of social and linguistic identity, discursive specificity of social status emblems, interconnection of ethnic, group and individual characteristics of communication partners, hierarchy of values which determine the language policy as exercised by dominating social groups. A three-dimensional model of social and linguistic identity is offered for discussion of existential vectors of personalit

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

Презентация проекта «Сербская церковь – русские руки», рассказывающего о вкладе русских зодчих в сербскую сакральную архитектуру, состоялась в Российском центре науки и культуры (РЦНК) в Белграде в марте.

Выставка и историческая монография рассказывают о русских архитекторах, оказавшихся в эмиграции в Югославии с 1918 по 1941 г. По проектам выдающихся зодчих в Сербии были построены сотни православных храмов и других объектов, ставших духовными святынями и достопримечательностями страны.

Выставка демонстрирует изображения свыше 70 храмов, построенных по проектам русских архитекторов, а также примеры произведений русских художников, украсивших храмы и церкви. За 20 с лишним лет россияне спроектировали и оформили более 250 храмов, часовен, памятников и других объектов исторического и культурного наследия.

По материалам сайта russkiymir.ru